

Хотя репутация мужчин не так строго регламентирована, как у женщин, оказаться в борделе все же считалось крайне позорным.

С учетом статуса графа Жэньяня, он, естественно, не желал, чтобы об этом узнала публика.

Конечно, был и подтекст: как представители знати и чистоплотных чиновников, они не желали иметь ничего общего со Стражей в парчовых одеждах.

Его намек Цяо Юэ отлично понял.

Цяо Юэ промолвил:

— Лучше скажите это своему брату. Завтра, когда он пойдет в Академию Гоцзыцзянь, он, возможно, сам расскажет всем, как весело смешивал коктейли.

Вспоминая восторженный вид Хэ Чжияна, казалось, он не только не считал это позором, но и находил весьма забавным.

Хэ Чжицзи стиснул зубы:

— Я уже предупредил своего брата.

Цяо Юэ вежливо кивнул и легко согласился.

— Сегодня в этом деле участвовало немало людей, также прошу Вас, Тысячник, удержать их от разговоров, — Хэ Чжицзи поклонился, выражая искренность. — Не скрою, мой брат сейчас присматривает невесту, и если пойдут слухи, это может испортить его будущее.

Он счел, что проявил достаточно искренности, воздействуя и на чувства, и на разум.

Кто бы мог подумать, что Цяо Юэ вдруг холодно усмехнется и с явной угрозой в голосе произнесет:

— Я сам строжайше запрещаю им упоминать об этом. Но что касается поисков пары, здесь все зависит от судьбы. Если судьба свела, ни разница в положении, ни разница в возрасте не станут помехой!

Сказав это, он даже не взглянул на Хэ Чжицзи, а с угрозой поставил чашку на красное деревянное столики и, встав, ушел.

Хэ Чжицзи промолчал.

Думал, что этот Тысячник Цяо — человек сдержанный и приятный в общении...

А он оказался еще более непредсказуемым, чем его отец!

Инцидент в борделе прошел без серьезных последствий, но Цяо Юэ чувствовал, что последние два дня что-то не так.

Днем все было нормально, но ночью, погружаясь в сон, он снова видел перед глазами образ Хэ Чжияна в полупрозрачной одежде, подающего вино.

Во сне ароматы были легкими, юноша с волосами, украшенными нефритовой шпилькой, и едва прикрытой кожей, мерцающей в свете свечей, казался таким притягательным, словно

лебединый полет.

Цяо Юэ сделал два шага вперед, зная, что это сон, но сердце бешено колотилось. Он протянул руку и вдруг с ужасом обнаружил, что держит лодыжку Хэ Чжияна!

Кожа юноши была такой же нежной и упругой, как в день матча по цуцзюй, характер упрямым до скрежета зубов, а лодыжка... лодыжка была маленькой и белой, и идеально помещалась в его ладони.

Скользнув рукой выше, он ощутил стройные бедра юноши и...

Нет, нельзя, если он посмотрит выше, то станет похож на развратника. К тому же Хэ Чжиян был мужчиной, как и он...

Цяо Юэ собрал волю в кулак и заставил себя проснуться.

Глубокой ночью ветер за окном выл, понемногу развеивая юношеские переживания.

Искры в глазах Цяо Юэ, подобные звездам, постепенно угасли.

Он откинул одеяло, взглянул вниз и с усмешкой покачал головой.

Ничего, его просто преследовал кошмар.

Пользуясь моментом, когда страсти утихли, Цяо Юэ быстро встал, поправил фитиль свечи и достал из ящика любовные письма Хэ Чжияна, решив сжечь их дотла, чтобы не оставлять и следа.

Пламя колебалось от ветра, и в нем Цяо Юэ снова увидел улыбку Хэ Чжияна.

Рука, сжимавшая письмо, напряглась, бумага помялась.

Хотя сейчас он не испытывал похоти, ему все равно было жаль превращать в пепел эти легкие листки.

Всего несколько писем, почему они вызывают такую кислоту в сердце?

Это чувство — нежность и привязанность, да?

Цяо Юэ недоуменно покачал головой. Как давно он не чувствовал сердечной боли?

С тех пор как мать наложила на себя руки, а семья Цяо оказалась в болоте, и он, вымазанный в грязи, выбился из него, он привык смотреть на мир холодно и отстраненно.

Но каждое движение юноши постепенно становилось его тайной думой и навязчивой идеей, незаметно укореняясь в сердце в моменты, когда он не ждал этого.

Цяо Юэ замер, не донеся письмо к огню, и вместо этого аккуратно положил его обратно в ящик.

После окончания матча по цуцзюй слава Хэ Чжияна разнеслась еще шире. Пройдясь по улицам столицы, можно было услышать, как люди обсуждают его.

— Младший сын графа Жэньяня владеет и гражданскими, и военными науками, будущее у него

безграничное.

— Не то слово, да и красавец он writing, говорят, еще не женился, а возраст уже подходящий...

Нравы в столице были свободными, женщин не сковывали слишком строгие рамки, и даже многие пары начинались с тайных чувств, после чего просили родителей о сватовстве.

Образ Хэ Чжияна на поле для цуцзюй разбудил весну в сердцах многих столичных девиц.

Однажды по дороге в школу Хэ Чжиян, как обычно, дремал в карете, когда вдруг шторка дернулась, и в окно влетел круглый сладкий дынь.

Хэ Чжиян потер глаза, наклонился и подобрал его, затем с недоумением откинул шторку.

За окном кареты следовало несколько девушек в капюшонах, кто-то ехал боком на осле, кто-то шел, приподнимая юбки. Увидев, что Хэ Чжиян откинул шторку, они все засмеялись, прикрываясь рукавами.

Хэ Чжиян улыбнулся и мягко спросил:

— Это вы, девушки, подарили мне фрукт?

Девушка, ехавшая ближе всех к его карете, улыбаясь, кивнула.

Хэ Чжиян с блеском в глазах посмотрел на нее, вытер дынь о одежду, не брезгуя, и, показав белые зубы, прямо так и начал есть.

Девушки, увидев такой милый жест, забыли о стеснении и принялись кидать фрукты в карету. Даже те, у кого ничего не было, скупали плоды в соседних переулках и бросали их ради забавы.

Сладкие плоды сыпались, как цветочный дождь. Хэ Чжиян развеселился и вместо того, чтобы прятаться, высунулся из окна, с радостью протягивая руки, чтобы поймать их.

Личи, дыни — некоторые падали на землю, некоторые попадали в карету. Если Хэ Чжияну удавалось поймать фрукт, вокруг раздавался добрый смех.

Девушки, бросавшие фрукты, тоже краснели от смеха.

Юноша был галантен, а девушки милы.

Смех и веселье добавили весеннего настроения в ледяную столицу.

В самый разгар веселья стрела внезапно рассекла воздух, задев одежду людей, и с яростью пронзила фрукт, хранящий девичьи мечты.

Под общий вздох изумления стрела, насаженная фруктами, тяжело рухнула на землю.

Атмосфера мгновенно стала тяжелой, люди очнулись и, загалдев, принялись искать того, кто испортил всё веселье.

Цяо Юэ восседал на резвом вороном коне, с колчаном за спиной, и подъехал к ним. Латы на плечах блестели на солнце:

— В столице запрещены массовые сборища, а тем более бросание цветов и фруктов. Разве вы не знаете?

Хэ Чжиян высунулся из окна кареты:

— Цяо Юэ!?

Тот самый сосед, который даже за то, чтобы найти его, взял у них поместье!

Цяо Юэ поднял бровь:

— Брат Ян, размах неплохой. Ты собираешься жениться или едешь в школу?

Хэ Чжиян, вспомнив прошлое, нахмурился и с усмешкой ответил:

— Ты думаешь, все такие, как ты, постоянно думают о таких вещах, как брак?

Не думай, что он не знает: некоторые, на людях чинные, тайком уже записались на смотрины знати.

Цяо Юэ почувствовал странное дрожание в сердце и, невольно глядя на него, промолвил:

— А ты знаешь, о чем я думаю?

Он сам не мог распутать свои мысли.

Хэ Чжиян косо посмотрел на него:

— Твои мысли почти написаны у тебя на лице.

Почему Цяо Юэ так спешил вмешаться?

Он просто боялся, что Хэ Чжиян затмит его. В следующем году, когда он будет жениться на знатной девице, он хотел быть на высоте?

Цяо Юэ был в том возрасте, когда пора жениться, но, похоже, ни одна девушка не проявляла к нему интереса.

Видя, как Хэ Чжиян кичится собой, он, должно быть, позавидовал.

Цяо Юэ глубоко посмотрел на него:

— Я как раз тоже еду в школу, брат Ян, поедem вместе?

Сказав это, он подъехал на коне к окну кареты Хэ Чжияна.

Увидев, что появилась Стража в парчовых одеждах, люди вокруг, боясь нажить неприятности, быстро исчезли.

Хэ Чжиян, глядя на беспорядок на земле, поднял голову:

— Ты едешь на коне, а я в карете, это замедлит тебя, не стоит ехать вместе.

Он только-только три секунды наслаждался славой, и Цяо Юэ появился как раз вовремя! Если они поедут вместе, кто еще подойдет к его карете?

— Поехали, — Цяо Юэ хлопнул коня по крупу и уже ехал сзади кареты. — На днях с тобой случилась беда, я провожу тебя, чтобы защитить.

Хэ Чжиян замер и с безнадёжностью опустил шторку.

Его брат прислал к нему няню, а теперь Цяо Юэ взялся лично сопровождать.

Он взрослый мужчина, ему такое нужно?

К тому же Цяо Юэ называл это сопровождением, но это больше напоминало конвоирование.

Он ехал на коне, словно расчищая путь. Не то что девушки — даже старики семидесяти-восьмидесяти лет, с трудом передвигающиеся, неслись в дома со скоростью ста метров.

Вдруг лишившись зрителей и поклонников, Хэ Чжиян в карете скрипел зубами, причмокивая, ел дыню.

— Сладкая, какая сладкая дыня!

— Личи тоже ничего, не знаю, какая девушка подарила? Забота, так забота!

— Жаль, дынь скоро не останется.

Хэ Чжиян знал, что Цяо Юэ снаружи, и нарочно говорил это, чтобы вызвать у него слюнотечение.

<http://bllate.org/book/16783/1543459>